

Назаров Антон Игоревич

**ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ В
СОВЕТСКОМ ТЫЛУ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ
ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/14.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 40-43. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 930.25

*Антон Игоревич Назаров**Тамбовский государственный технический университет*

ТРУДОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЁЖИ
В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(НА МАТЕРИАЛАХ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ)[©]

В военное время существенно меняется характер и содержание повседневных поведенческих практик, мировосприятия и мироощущения отдельных членов общества. Военный фактор, что особенно проявляется в годы Второй Мировой войны, в большинстве воюющих государств становится важнейшей доминантой повседневной жизни людей, изменяя её привычный ход. Всё сказанное выше в полной мере относится и к советскому обществу периода Великой Отечественной войны. Содержание повседневной жизни советских граждан, в том числе и молодёжи, в тылу действующей армии, как ни в одной другой из воюющих стран, несло на себе отпечаток мобилизационной перестройки жизнедеятельности социума, оказавшегося в критической, пограничной ситуации, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Юношей, достигнувших призывного возраста, затронула всеобщая мобилизация в ряды Красной Армии. Девушки, ребята, которым ещё не исполнилось восемнадцати лет, должны были стать, в связи с массовым уходом на фронт взрослого мужского населения, одним из главных источников, резервов трудовых ресурсов для перестраивавшейся на военный лад экономики страны.

В структуре повседневной жизни сельской молодёжи трудовая деятельность занимает основное место. Необходимо отметить, что подобная практика по сути была безальтернативной. И в довоенный период основу аграрного сектора области составляли небольшие коллективные хозяйства, уровень механизации труда в которых являлся крайне низким [1, с. 10]. Достижение роста валовых показателей сбора сельскохозяйственной продукции традиционно достигалось за счёт преимущественного использования экстенсивных факторов. Но в условиях, когда в результате мобилизации деревня лишилась значительной части трудовых ресурсов, а материально-техническая база аграрного сектора экономики области не только не увеличилась, но и, напротив, значительно сократилась по сравнению с предвоенным периодом, иного выхода, кроме как масштабного использования труда подростков и женщин, просто не существовало.

Чрезвычайна обстановка военного времени вполне закономерно резко увеличила интенсивность труда молодёжи в сельском хозяйстве. В первую очередь это касалось продолжительности рабочего времени и трудовых нагрузок. В отношении сельской молодёжи и подростков можно сказать, что такое понятие как нормированная продолжительность рабочего дня практически отсутствовало. Ритм трудовой деятельности для селян традиционно измерялся не какими-либо установленными актами, а прежде всего продолжительностью светлого времени суток. Из всего годового цикла сельскохозяйственных работ – весеннего сева яровых хлебов, прополки культур в первые летние месяцы, уборочной компании, осенней вспашки и сева озимых – наибольшей интенсивностью трудовых усилий выделялись периоды весеннего сева и, в особенности, уборки урожая во второй половине лета – начала осени. Рабочий день для молодых крестьян начинался буквально с первыми лучами солнца. В отчёте Староюрьевского райкома партии за июль 1941 года отмечалось, что колхозники, подавляющую часть которых составляли старики и подростки, приступали к работе уже в 4 часа утра и заканчивали её поздно вечером – уже в сумерках [2, л. 53]. Как вспоминала одна из жительниц села Чернавка Бондарского района, они – молодые девушки, работавшие в колхозе, – вставали в 3-4 часа утра и сразу же отправлялись на работу; рабочий день заканчивался с наступлением темноты, и спать ложились уже после 10 часов вечера [10, с. 1035]. Косвенное подтверждение этим свидетельствам мы находим и в официальной документации областного комитета ВЛКСМ. Так, на заседании бюро обкома комсомола в августе 1942 года как пример абсолютно недопустимого в военных условиях поведения рассматривался режим трудовой деятельности комсомольцев колхоза «Ответ интервентам». Последние выезжали на работу в 8-9 часов утра и заканчивали её к 6-7 часам вечера [8, л. 113]. Формально они могли отрабатывать и 11 часов, но это противоречило как требованиям государства в отношении интенсивности труда колхозников, так и традиционной крестьянской трудовой культуре, содержание которой формировалось ещё под воздействием общинной психологии и морали.

Но зачастую даже и этой «нормальной», с крестьянской точки зрения, продолжительности рабочего дня «от зари до темна» оказывалось недостаточно для выполнения необходимого объёма работ. Чаще всего это происходило во время уборки зерновых культур. Практически полное отсутствие механизации труда в сфере аграрного производства могло быть компенсировано лишь увеличением численности рабочей силы. Между тем, количество трудоспособного населения в тамбовской деревне в годы войны лишь только сокращалось. Сказывались призыв военнообязанных и трудовые мобилизации молодёжи на различные виды работ в пределах или за пределами области. Хоть в какой-то мере воздействие данных негативных факторов могло компенсировать лишь максимальное уплотнение режима трудовой деятельности всех способных выйти в поле.

Уборка урожая как бы подводила черту под всеми усилиями крестьян в течение года, определяла результативность их труда и в идеале уровень материального достатка в будущем. Для государства успешное завершение хлебоуборочной компании означало получение необходимых для обеспечения армии, оборонной промышленности и населения продовольственных фондов. Поэтому сбору урожая придавалось столь большое значение. Областное руководство ВЛКСМ ориентировало комсомольцев и беспартийную молодёжь на максимальную самоотдачу в период уборочной компании. «Своевременная уборка хлеба есть кровное дело сельских комсомольцев», - предупреждало бюро обкома комсомола нижестоящие союзные структуры о главных критериях оценки их деятельности в начале осени 1941 года [5, л. 9]. В период уборочной компании 1942 года по инициативе ВЛКСМ с 1 по 10 сентября был объявлен декадник по уборке урожая. Руководство союза молодёжи ставило перед сельскими комсомольцами задачу организовать скирдование убранных хлебов днём и ночью, обмолот ржи и пшеницы также должен был осуществляться круглосуточно [8, л. 122].

Подобные директивы не оставались просто пожеланиями, а являлись неукоснительно соблюдаемым руководством к действию. На VI Пленуме обкома ВЛКСМ отмечалась ударная работа молодых колхозников из Староюрьевского района, которые организовали ночное скирдование снопов хлеба и перевозку их к местам молотыбы [7, л. 39]. И это был далеко не единичный случай. Уроженка села Хорошавка Инжавинского района А. Е. Барсукова вспоминала, что ночное скирдование колхозной ржи было довольно рядовым явлением в трудовой деятельности её сверстниц [10, с. 1039]. Как позже отмечал житель села Завидовка Тамбовского района А. П. Михайлов, им, подросткам, на уборке зерна приходилось зачастую работать сутками. Особенно запомнился ему хлебоуборочная компания 1944 года, когда для скорейшего выполнения плана пришлось не уходить с поля в течение трёх суток, работая без всякого перерыва на сон [Там же, с. 1054].

Содержание же трудовой деятельности, уровень нагрузок варьировались применительно к конкретным стадиям цикла сельскохозяйственных работ.

Начало и завершение их было связано с необходимостью вспашки колхозных угодий. Пахота проводилась весной – в ходе посева яровых культур и осенью, когда пахали под посев озимых культур и под зябь. Вспашка в подавляющем большинстве хозяйств области проводилась вручную. Связано это было с мобилизацией значительной части сельскохозяйственной техники, в частности тракторов, в первые дни войны для нужд действующей армии. Количество тракторов в области, по сведениям первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) И. А. Волкова, с 1940 по 1944 гг. уменьшилось с 6921 до 4948. Но даже из оставшихся значительная часть не подлежала эксплуатации [4, л. 15]. Вспашка земли в основном велась на лошадях, волах или быках, коровах. В качестве пахарей чаще выступали юноши и подростки постарше, взрослые женщины. Ведь пахота требовала наличия определённой физической силы, поскольку приходилось с усилием держать в руках довольно тяжёлую соху, периодически вытаскивать её из борозды.

Как вспоминали уже много позже юноши и девушки, подростки военного периода, легче всего шла вспашка лошадьми. Тяжелее приходилось с волами, быками и коровами. Бык был силён, но норовист, требовалось и умение обуздать его. Волы же выказывали невероятную медлительность и упрямство. По свидетельству уроженки деревни Ракитино Ржаксинского района А. Т. Рожновой, особенно непросто приходилось, когда волы укладывались прямо посередине борозды. Хрупкой 14-16-летней девушке приходилось прикладывать буквально титанические усилия, чтобы поднять его и продолжить работу [10, с. 1062]. Но наибольшие сложности вызывала пахота на коровах. Это животное не отличалось силой и к тому же было не приучено ходить в упряжи в борозде. Жительница села Чернавка Инжавинского района вспоминала, что сколько-нибудь сносная обработка земли на корове требовала непременно участия двух человек. Обычно одна из двух девушек должна была вести корову за собой, чтобы та постоянно не падала на ноги [Там же, с. 1041].

В конце весны - начале лета в колхозах начинались прополочные работы. Выпалывались посевы проса, ржи, кориандра, пшеницы и других культур. Стоит признать, что тяжесть труда для колхозной молодёжи в этот период несколько снижалась за счёт ряда факторов. Во-первых, прополка не требовала приложения значительной физической силы. Во-вторых, к ней привлекались школьники младшего и среднего возрастов. По свидетельству уроженки села Казанское Староюрьевского района М. Е. Головиной, её сверстники-школьники сразу после прекращения занятий в школе во второй половине мая шли работать на колхозные поля. Учащиеся, руководимые учителями, работали практически всё лето, а нередко сельские школьники садились за парты только в октябре месяце [Там же, с. 1063].

Потребность в интенсификации трудовых усилий в секторе аграрного производства, как это нами уже отмечалось выше, возникала в период проведения уборки зерновых и иных сельскохозяйственных культур. Характер выполняемой работы, особенности используемого инвентаря и орудий труда диктовали необходимость распределения трудовых функций среди подростков и молодёжи в страдную пору по половозрастному принципу. Самым тяжёлым видом работы, требовавшим не только выносливости, но и немалой физической силы, - скашиванием хлебов - занимались, там где это было возможно, юноши. Но даже 15-17 летних ребят в колхозах не хватало из-за того, что их в первую очередь, наряду с незамужними девушками, забирали по различным видам трудовых мобилизаций. В результате, как свидетельствуют очевидцы, косили в основном женщины и уже взрослые девушки, которым, как правило, было уже 20 и больше лет [Там же, с. 1041, 1055, 1056, 1062]. Косили серпами, в большинстве случаев использовались так называемыми крюками. Крюк представлял собой обычную косу, чуть выше основания которой приделывались грабли [Там же, с. 1062].

Использование крюков позволяло избегать крупных потерь зерна и соломы, поскольку сразу же подгребались скошенные колоски. Видимо данное соображение и побудило Тамбовский обком ВЛКСМ летом 1942 года требовать того, чтобы каждая девушка-комсомолка, работающая на уборке имела при себе грабли для сбора колосьев по следу покоса [8, л. 115].

Девушки-подростки и пожилые женщины вслед за косившими собирали колоски, вязали их в снопы и скирдовали последние в поле. Здесь же работали и школьники, вплоть до 10-11 летнего возраста, которые под руководством своих учителей в целях минимизации потерь подбирали отдельные колоски хлеба, а также сносили в скирды связанные снопы хлеба и соломы. При наличии тяглой силы и транспорта связанные снопы свозились на колхозные токи, где происходил процесс молотбы. Механические молотилки были огромной редкостью, поэтому использовали в основном как и столетия назад в основном цепи. Молотить, учитывая необходимость обладания определённой физической силой, приходилось опять таки по преимуществу юношам и подросткам мужского пола, девушкам повзрослее [10, с. 1041, 1046, 1055, 1056, 1062].

Традиционно для крестьян годичный цикл сельскохозяйственных работ заканчивался уборкой урожая и осенней вспашкой земельного клина. В военное время интенсивность труда колхозной молодёжи и подростков хотя и заметно уменьшалась, однако потребность в его использовании даже в зимний период оставалась весьма значительной. К примеру, чем-то из ряда вон выходящим не считалось во время Великой Отечественной войны проведение полевых работ поздней осенью или зимой. Как правило, это случалось из-за неспособности колхозов, вследствие недостатка работников и тяглой силы, погодных условий, вывести урожай с полей и обмолотить. Так, по сведениям Тамбовского облисполкома по результатам уборочной кампании 1941 года значительное количество хлеба осталось в поле [3, л. 17]. Скирдование снопов прямо в поле и осуществлялось во многом с той целью, чтобы в случае невозможности полного вывоза сохранить хотя бы часть его под снегом. В результате, подросткам и молодёжи часть зимы приходилось вывозить хлеб с заснеженных полей.

Помимо уборки остатков урожая, трудовая деятельность сельской молодёжи в период естественного перерыва в цикле сельскохозяйственных работ была направлена на подготовку к севу. Главной её задачей в этом плане являлся уход за тяглой силой колхозов и совхозов – лошадьми и крупным рогатым скотом. Состояние тяглой силы, в конечном счёте, определяло степень устойчивости аграрного сектора области, его способность к продолжению воспроизводственного цикла в чрезвычайных условиях войны.

Понимая исключительную важность работы по уходу за тяглыми животными, обком ВЛКСМ ориентировал комсомольцев и беспартийную молодёжь на то, чтобы активней включаться в процесс ухода за поголовьем тяглых животных. В частности, рекомендовалось за каждой лошадей, имеющей «упитанность ниже средней», закрепить молодого колхозника, возложив на него персональную ответственность за доведение к весеннему севу рабочей лошади до состояния «средней упитанности». Кроме того, руководство областной организации требовало от комсомольцев и беспартийной молодёжи основное внимание в период зимнего перерыва в цикле сельскохозяйственных работ уделить обучению коров для осуществления вспашки [9, л. 68, 69]. Всего же до начала весеннего сева даже школьникам предписывалось заработать на такого вида работах не менее 15 трудовых [6, л. 76].

Документальные источники иллюстрируют огромную роль сельской молодёжи в деле сохранения тяглой силы колхозов и совхозов области. К примеру, в ноябре 1942 года старшеклассники всего Бондарского района взяли на себя обязательство вырастить из бычков к весеннему севу рабочих волов. Каждое животное получило своих шефов, которые утеплили скотные дворы, очищали стойла молодняка и заготовливали корма на весь зимний период. При этом школьниками параллельно организовывались и кружки по изучению зоотехники [8, л. 168 об.]. В колхозах Уваровского района подростки и молодёжь установили постоянный контроль за работой конюхов, выявляя факты разворовывания кормов и нерадивого отношения к лошадям. Но дело только этим не ограничивалось. В колхоз им. Свердлова из числа эвакуированного скота были переданы 12 лошадей, находившихся в крайне истощённом состоянии. Благодаря каждодневным, неустанным усилиям комсомольцев, которые кормили животных, отпаивали тёплой водой, к весеннему севу удалось поставить на ноги 10 рабочих лошадей [6, л. 32-33].

Резюмируя изложенные выше, необходимо отметить, что в годы Великой Отечественной войны трудовая деятельность стала одним из главных факторов, определяющих повседневную жизнь юношей и девушек села. Её содержание, интенсивность и уровень нагрузок отражали возросшее значение подростков и молодёжи как главного источника трудовых ресурсов в аграрном секторе экономики Тамбовской области и страны в целом. Труд молодёжи обеспечивал, насколько это было возможно в условиях острейшего дефицита трудовых ресурсов и тяглой силы, минимально допустимый уровень устойчивости сельского хозяйства.

Список литературы

1. Бредихин В. Е. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны. Тамбов, 2007. С. 10.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2070.
3. ГАСПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2495.
4. Там же. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4782.
5. Там же. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 528.

6. Там же. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 554.

7. Там же. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 558.

8. Там же. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 561.

9. Там же. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 562.

10. Тамбовская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов. Тамбов, 2008. Т. 2.

УДК 75.041

Надежда Владимировна Осинцева

Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

ТАНЕЦ И ЖИВОПИСЬ В АСПЕКТЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ[©]

«Танец – единственный вид искусства, для
которого материалом служим мы сами»

Тед Шон

«... даже неподвижная поза – у него уже танец!»

М. Габович

Представление танца в обыденном сознании связано, прежде всего, с движением, в то время как живопись – искусство статичное. Танцевальное искусство антропологично в своей сущности, поскольку живет лишь в своем исполнении. Совершенно иное дело живопись – при помощи изобразительных средств художник останавливает движение времени, сохраняя момент вечности. В истории искусств сферы живописи и танца, конечно же пересекались, как известно, танец часто был сюжетом в работах художников (например, балетные сюиты Э. Дега), кроме того, художники являлись авторами декораций и костюмов в балетных спектаклях, достаточно вспомнить «Русские сезоны» С. Дягилева, где хореографию дополняло творчество А. Бенуа, П. Пикассо, Н. Рериха. Пожалуй, именно балет ярче всего демонстрирует синкретизм искусств в своей основе.

Однако примеры творческого союза танца и живописи не раскрывают всю полноту и глубину этих явлений. Танец и живопись, выходя из эстетической сферы, обретают философский дискурс. В поиске общей для танца и живописи категории онтологического статуса интересно высказывание Ж. Ж. Новерра о том, что «балет представляет собой картину или, вернее, последовательный ряд картин» [Цит. по: 5, с. 5]. Сцену он сравнивает с холстом, на котором балетмейстер, как живописец, запечатлевает свои мысли. По мнению Ж. Ж. Новерра, балет должен представлять собой живую картину страстей, нравов, обычаев, обрядов и бытовых особенностей какого-либо народа. Спустя столетие А. А. Горский главную задачу танцовщика видел тоже в том, чтобы «жить в картинках балетмейстера», одухотворять их разумом и участвовать в них сердцем.

Что же позволяет именитым хореографам сравнивать сцену с холстом, называть балет картиной? В отношении онтологического анализа это не просто удачное сравнение или красивое метафорическое высказывание из мемуаров балетмейстеров. В любом произведении творца – художника или хореографа – есть то, что фиксируемо человеком: «картина» страстей, нравов, обычаев, характеров. Эта фиксация позволяет обнаружить чувства, мысли, эмоции, заложенные автором через пластику человеческого тела или оттенки красок на холсте в определенной позе. Этимология слова «поза», пришедшего из французского языка (*pose*), восходит к латинскому «*rause*» - остановка, прекращение. В. И. Даль толкует «позу» как «положение, постановка, поставка, поставь, постань». Слово «поза» имеет и второе значение, при котором употребляется как притворство, неискреннее поведение, «рисовка». Получается, что поза является не просто расположением тел в пространстве, но поза – это то, что фиксируемо взглядом, словом, кистью. Сущностный статус хореографической позы проявляется в «картинности» танца. Поза не является остановкой или прерыванием танца и не сводится только к исходной или финальной позиции, поза позволяет обнаружить в танце статику и кинематику человеческого тела. Поза всегда нагружена смыслом, фиксируется и удерживается. Поза как онтологический атрибут и танца, и живописи всегда энтелехиальна, то есть, по Аристотелю, несет в себе цель. Поза способна образно и технически точно передать всю экспрессию движений. Живописная поза на полотне, как утверждал Роден, более правдива, чем фотография, на которой устойчивые положения тела приводят к оцепенению движущегося. Поскольку в реальности время непрерывно, то даже фоторяд лишен внутреннего движения и напоминает апорию Зенона «Стрела» в отношении движения. Мерло-Понти, обращаясь к текстам Родена, отмечает, что поза на полотне передает максимальную экспрессию тогда, когда тело изображено в таком положении, в котором оно не бывает ни в один из моментов времени [4, с. 49]. То есть, анатомически несочетаемые положения создают живописную динамичную позу, которая содержит «переход от здесь к туда» [Цит. по: Там же, с. 50] и передает «метаморфозу» времени.